

ОПРАВДАТЬ НАЗНАЧЕНИЕ ХУДОЖНИКА

ЭТОТ мартовский день нынешнего года останется в памяти советских людей, как день, насыщенный незабываемыми впечатлениями. Он был ознаменован выступлением Никиты Сергеевича Хрущева перед творческой интеллигенцией, и все, кому дороги дальнейший расцвет нашего искусства и литературы, ее чистота и принципиальность, неустанно и пылливо возвращаются мыслями к этому важнейшему выступлению, черпая в нем новые силы и думая об их практическом применении в творческой «битве».

Многие жизненные и творческие факты под глубоким воздействием встречи руководителей партии с художественной интеллигенцией по-иному, более свежо и непосредственно сегодня оцениваются, глубже раскрывается их сокровенная суть.

«Высший долг советского писателя, художника, композитора, каждого творческого работника быть в рядах строителей коммунизма, служить своим талантом великому делу нашей партии, бороться за торжество идей марксизма-ленинизма», — говорил Н. С. Хрущев.

Художник, которому дороги эти бессмертные идеи, всегда близок народу, он ценит им и любим. Нет большей награды для художника, нежели признание народа, оно стимулирует его жизненную и творческую энергию.

Чутко внимая указаниям партии, мы стремимся сегодня в своей каждодневной творческой практике еще глубже осознать внутренний смысл каждого явления искусства, добраться до его идейной сердцевины, ощутить за небольшим порой творческим фантом веяние времени. Мы получили еще одно конкретное подтверждение правомерности нашей приверженности идеям реалистического, социалистического искусства. С другой стороны — мы обрели неоспоримые доказательства справедливости нашего неприятия лжеискусства. Во всех этих случаях жизнь не скупится на примеры.

Наше искусство давно уже прочно завоевало всемирное признание. Эхо оаций, потрясавших зрительные залы всех стран, где выступали посланцы нашего искусства, явственно доносилось и до нас, наполняя наши сердца чувством законной гордости. Разве в этом искусстве было хоть что-нибудь от формалистических вывертов? Хотя бы малейшая их примесь? Нет, это искусство полнокровного реализма, социалистического реализма — яркого, жизнеутверждающего.

Наш современник чутко на правду и всегда рад встрече с подлинно прекрасным искусством, которое духовно роднит людей между собой.

Мысли и чувства невольно возвращают нас к тем памятным дням, когда в Москве экспонировались опасенные нашими воинами во время Великой Отечественной войны сокровища Дрезденской галереи. Время не развеяло этих волнующих воспоминаний, и память восстает, устанавливая особую возвышенную тональность, которой была насыщена атмосфера этих дней, столь близкая и понятная советскому че-

ловеку и столь чуждая психологии торговцев сокровищами искусства, привыкших оценивать их достоинства только по биржевой стоимости.

Станиславский говорил: «Настоящая красота не терпит насилия над природой — считая его уродством». К сожалению, не все творцы искусства чутко внимают великим заветам Константина Сергеевича. Некоторым из них больше по душе мнение ценителей типа «утонченных ослов», как метко охарактеризовал известную категорию «знатоков» искусства Анатолий Васильевич Луначарский.

Сатирическая тональность этого эпитета сохранила свою злободневность. Произведение формалистического искусства не только рождает протест, возмущение, но способно одновременно вызывать по своему адресу и обличающий смех. Причем по результатам своего воздействия это посрамление смехом не уступает другим самым острым формам критики.

Вспомните записанное на пленку исполнение Василием Ивановичем

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР

Качаловым не-большой басни о художнице-свинье, возмнившей себя художницей и избравшей местом своего «творчества» забор. Хавронья потерлась боком о него и оставила грязный след, который и привел в умиление ценителей ее дарования — домашних птиц, скотину. Какая в исполнении Качалова звучит издевка над иными ценителями всяческой мазни живописцев, какое озорство интонаций, лукавых и смешных, какая легкость и изящество исполнения, сколько артистического остроумия! Актер читает эту юмореску, несколько не смягчая остроты сатирического гротеска, сохраняющего свою злободневность. Казалось бы, вдохновенной музе Качалова, этого великого мастера реалистического искусства, чужд был сатирический гротеск. Но подлинный художник готов использовать все средства своего мастерства, если дело касается защиты эстетических идеалов советского человека. И пусть всегда вдогонку всем уродливым теням прошлого

бесследно исчезающим из нашей жизни, все чаще и громче звучит жизнерадостный смех, пусть, пугливо озираясь, навечно уходит из нашего общества все гнилое, несовместимое с моральным кодексом человека коммунистического общества.

На ближних подступах к коммунизму усугубляется задача воспитания нового человека, его духовного обновления. Само время торопит этот процесс, и здесь все виды искусства несут свою весомую долю ответственности — будь то глубокая, психологическая драма или острая сатирическая комедия, призванная способствовать искоренению «остаточных явлений» гнилой психологии прошлого.

Свою борьбу со всяческими носителями духовной скверны советский человек рассматривает как свой священный долг перед обществом, как социалистическое перед ним обязательство.

«...Всем, что у меня есть, я готов поделиться с честным человеком. Но если мне встречается тунеядец, я не могу спокойно проходить мимо него. Он оскорбляет во мне лучшие чувства, пробуждает во мне гнев и возмущение...». Так

говорит эпатный электросварщик и дванды Герой Социалистического Труда Алексей Улесов.

Но лучшие чувства нашего современника способны оскорбить не только заядлый тунеядец, матерый лихоимец или бесчестный карьерист, люди, упрятавшие свою душу за колючую изгородь отталкивающих пережитков. Не в меньшей степени его лучшие эстетические чувства способны оскорбить и произведение искусства, лишенное человеческого духа времени, не судящее ему радости, бесслышное что-либо поведать, кроме явно ощутимой надежды его создателей на дешевую популярность, способную заменить искателю легких побед в искусстве истинную радость подлинного признания.

Каждый раз, когда мне приходится видеть репродукции с абстракционистских «произведений», я вспоминаю рассказ Мопассана «Мать уродов». В нем повествуется об одной женщине, которая приехала ради «изобрела» способ рождения детей-уродов, которых она затем выгодно продавала в разные пансионаты для обозрения. Этой женщине чужды были угрызения совести от святотатств совершаемого ею над извечными и прекрасными чувствами материнства, над великими законами живой природы.

Закрадывается подозрение — уж не создаются ли ныне с позволения сказать произведения искусства по принципам мопассановской «героини» — чем уродливей, тем выгоднее...

Долговечными и яркими остаются в сознании человека впечатления от подлинно прекрасного искусства. И чем больше таких возвышенных впечатлений западает в его душу, тем неприступнее становится внутренний барьер, ограждающий его духовный мир от скверны лжеискусства.

Каким же вдохновенным должно быть наше сегодняшнее социалистическое искусство, призванное открывать каждый день жизни и сознания нашего героического современника. Какие оно должно пробуждать в его душе прекрасные порывы!